

Исти любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

ТНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление серии *С. Власова*

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 Гнездо ласточки : [роман] / Татьяна Тренина. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094536-8

Его считают образцовым семьянином, его жене завидуют, а дочь, которой не было в родном доме более десяти лет, считают неблагодарной. Никто не верит Кире, когда она пытается изобличить изверга-отца, ведь горожанам удобнее видеть в нем храброго полицейского и настоящего мужчину. Вернувшись в родное гнездо спустя годы, Кира понимает, что ничего не изменилось и дома — того самого, в котором помогают даже стены, — у девушки по-прежнему нет. Чтобы построить новый, настоящий дом, ей потребуется пройти через нелегкие испытания.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094536-8

© Тренина Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Ласточка прилетела — скоро
гром загремит.

(Народная примета)

Заскрежетал гулко и визгливо ключ в железном замке, тяжелая дверь распахнулась.

Человек шесть женщин находилось в камере — кто лежал, кто сидел на койке, лениво переговариваясь с соседками, одна стояла под зарешеченным окном, спиной к вошедшему.

— Гартунг, к следователю, — равнодушно произнес сержант, который должен был сопроводить на допрос обвиняемую.

Стоявшая обернулась — это оказалась еще молодая женщина, невысокая, худенькая, с темными, забранными назад волосами и с бледным, спокойным, отрешенным лицом. Вернее, личиком — уж больно кукольным, нарисованным, даже мультяшным показалось оно конвоиру. Да, точно, личико — как из японских мультиков. Чересчур большие, чересчур прозрачные голубовато-серые глаза, уголки которых приподняты к вискам; тонкий и четкий контур бровей, аккуратный, тоже тонкий носик и маленький, напоминающий вишенку рот.

Сержант, молодой еще парень, холостой, не имеющий на данный момент подруги, реагировал остро на каждую привлекательную женщину, даже если та была

старше его, даже если она была одной из тех, кто находился здесь, в следственном изоляторе.

Вот и сейчас, словно против воли, он «просканировал» женщину всю, с ног до головы, насквозь — быстро, всего за пару мгновений. Оценил. Зачем? Совершенно незачем, да и не по себе еще стало — сердце словно кольнула острая игла, оставив после себя саднящую боль.

Но как не оценить? Потому что хорошенькая. И такая беззащитная при этом, слабенькая на вид. А беззащитность эта, беспомощность — словно приманка для мужика. Повод расправить плечи, загарцевать, показать свою статью.

Только, блин, это же обман все. Мираж. Дурман, которым бабы дураят головы мужчинам.

Никакая эта Гартунг не слабенькая и не беззащитная, она — убийца.

Подробностей ее дела конвоир не знал, ведь его обязанность — только сопровождать заключенных. А этих заключенных тут... Что мух на варенье. То воровки, то аферистки, то детоубийцы, то еще что. Тьфу, словом, меньше знаешь — крепче спишь.

Тем не менее сержант кое-что краем уха слышал о Гартунг — будто она не просто убийство совершила, а какое-то особое, которое не часто случается и поражает всех своим кощунством. И которое, по-хорошему, ничем нельзя оправдать и нигде — ни на Божеским суде, ни на человеческом.

...Она шла по коридору, вдоль стен, крашенных темно-зеленой краской, держа руки за спиной, опустив голову. Маленькая, покорная судьбе, с этим хорошеньким

носи́ком — четко очерчены ноздри, кончик острый, словно клюв у птички; пряди волос выбились из хвоста и упруго висят, чуть изогнувшись дугой, возле щек — так трогательно тоже.

Платье из грубой темной ткани, напоминающей дедюгу, тряпичные туфли без каблука. Ступни крошечные — поди, мучается, обувь себе подобрать не может, бедолага.

Да, эта Гартунг всем своим видом напоминала беззащитную, кроткую птичку, попавшую в западню.

Фамилия какая-то странная, не русская. Из этих, что ли? Хотя видом русачка. Или, может, этот... псевдоним. Да, наверное. Ведь она не из простых, что-то там с искусством связано. Может, на почве искусства мозги себе свихнула?..

Как знать. Ну ее. Лучше не смотреть, не реагировать, забыть. Спать крепко и сны под утро тоже стараться забывать — это если во сне надумает прийти.

Все морок, все обман. Верить им, женщинам, нельзя. Да и не женщины они вовсе, а бабы. Настоящие женщины по жизни редко встречаются.

Об этом разделении — на женщин и баб — сержант смутно догадывался раньше, после череды несчастных любовей, а теперь точно узнал, когда на форум один зашел. Там умные мужики мозги ему прочистили — есть женщины, а есть *бабы*. Женщины, то есть нормальные люди, редко встречаются. А вот баб много, и от них только беды.

Они хищные, корыстные, наглые. Злые и глупые. Они не любят, они — используют мужиков. Бытовые проститутки. Но их не сразу разгадаешь, не так просто вы-

числишь, поскольку бабы еще и хитрые ко всему прочему.

На примерах всяких разных ситуаций на том форуме разбирались — как самому вычислить бабу, как не дать ей накинуть на тебя сеть. И использовать ее саму. Интересно, прикольно!

Вот и сейчас если с точки зрения антибабского того форума эту Гартунг попробовать оценить на предмет того, женщина она или баба, кто? С одной стороны, вроде как женщина, раз на вид такая кроткая и милая, всякие нежные чувства невольно вызывает. Но на самом деле, если хорошенько подумать, она самая что ни на есть настоящая баба. Потому что беспринципная убийца, злодейка.

И не дай бог с такой в реальной жизни встретиться — потому что вонзят нож прямо в сердце и будет наблюдать с кроткой улыбкой, как ты корчишься, умирая.

Изыди, ясноглазая, из мыслей моих!

...Сержант постучал в дверь, ведущую в кабинет следователя, и отрапортовал четко, без эмоций:

— Заключение Гартунг, прибыла на допрос.

* * *

Кира вспомнила о том, что ей нужен новый телефон, только уже подъезжая к вокзалу.

Старый еще работал и мог проработать немало, но это был древний, простейший аппарат. Конечно, красивый — панельки со стразами, золотое напыление и все такое... Его Кире подарил Тим лет семь назад. Красивой девочке красивую игрушку. Телефон исправно

ловил сигналы, по нему можно было говорить долгое время, но — и только. Формально он мог фотографировать, если брать основные функции, но, боже мой, на этих фото ничего не разглядеть... Рыжевато-зеленые мутные пятна.

А Кире сейчас нужен был навороченный гаджет — ведь она собралась к родным, которых давно не видела. Хотелось бы сделать фото на память, снять видео... Да еще хорошо бы иметь возможность заглянуть в Интернет, послать электронное сообщение и т.д. и т.п. Не дурью маяться, шляясь по соцсетям, а действительно для дела. (Какие соцсети в двадцать девять-то лет, это смешно! И всевозможные форумы Кира, кстати, тоже игнорировала, считая сидение на них пустой тратой времени. Да, был любимый форум, вернее, блог одной известной персоны, но и то — Кира его просто читала, никак не участвуя в дискуссиях.)

Что еще нужно от нового телефона? Чтобы это была не громоздкая, не объемная (пусть и легкая!) вещь, а нечто компактное, способное поместиться в кармане, удобное. Тем более что у Кире, по моде нынешнего сезона, накопилось изрядно платьев-сафари с нагрудными карманами. Положила в кармашек телефон и побежала налегке, со свободными руками...

Кира вынырнула из метро на привокзальную площадь.

Уже стемнело. Прохладно, несмотря на то что конец июня. Ветер порывами, дождик начинал накрапывать...

До отправления поезда — еще сорок минут.

И Кира направилась к ближайшему салону связи. Там она озвучила продавцу свои требования к новому

аппарату. К счастью, продавец оказался толковым юношей.

— Вот, смартфон нового поколения, с сенсорным экраном...

Сенсорный экран оказался для Киры в диковину. То есть все вокруг давно такими пользовались, и Тим давно хотел подарить Кире нечто подобное взамен устаревшего аппарата, но Кира противилась. Во-первых, нечего захламлять природу, меняя модели и выбрасывая старые (экологическое мышление в противовес потребительской психологии), во-вторых, боялась не освоить эту «пальчиковую» технологию.

Но деваться некуда. Сейчас приперло, надо срочно купить. Конечно, и в Светлорецке есть салоны связи, а вот выбор в них? Да и зачем тратить время на покупку, ведь всего два дня с хвостиком на визит к родным...

Зазвонил телефон — тот, свой, старый. На экране — имя жениха.

— Наконец-то... Ты где?

— Тим, я в салоне связи...

— Кира, я тут бегаю по всей площади, ищу... Промок уже весь до нитки!

— Ты забыл зонтик?

— Какой еще зонтик, скоро отправление... Кира, ты меня убиваешь! — короткие гудки. Кажется, Тим был в бешенстве.

Кира нажала на кнопку «отбоя», повернулась:

— Ладно, беру вот этот смартфон... телефон... Как его? Впрочем, какая разница, как называется. Только быстрее, пожалуйста.

Пока продавец оформлял покупку, Кира нетерпе-

ливо постукивала каблуком по кафельному полу. А правда, не ерундой ли она занимается, нужен ли ей этот навороченный гаджет, да еще столь срочно, и вообще...

Слегка ныла правая рука. Как всегда, в непогоду, давала знать о себе старая травма. Противное ощущение, и ведь никак не избавиться от него. Доктор сказал, что это на всю жизнь. Функции более-менее сохранены, а вот ныть периодически будет...

— Вот, пожалуйста, здесь распишитесь. Так. Чек кладу сюда. Спасибо за покупку! — наконец скороговоркой произнес продавец.

— Спасибо вам... — Кира подхватила пакет правой рукой, а другой покатила за собой чемодан на колесиках.

На улице — совсем ночь, и дождь хлестал уже вовсю. Девушка судорожно раскрыла зонтик. Сквозь струи воды причудливо переливались огни рекламы, свет от фонарей. Мимо бежали люди — кто под зонтом, кто прикрыв голову курткой, шуршали и стучали по плитке колесики чемоданов, кто-то ругался матом... Сернистый дымок сигарет (запретили же в общественных местах курить!!!) и теплые, настоянные на железнодорожной гари и выпеченных только что слойках запахи смешивались в одно тошнотворное вокзальное амбре и навязчиво лезли в нос.

— Кира! — наперерез бросился Тим с рюкзаком за плечами. — Тут этих салонов связи...

— Я же тебе сказала, жди меня на перроне!

— Интересное дело! А вдруг... Сейчас ночь, ты одна, это вокзал вообще-то.

— А что со мной случится, Тим? Не надо меня все время опекать, я не идиотка... Да ты весь мокрый!

В самом деле — жених промок насквозь, бегая по площади и ища Киру. Рубашка прилипла к телу и потемнела, с брючин текла струйками вода, пряди волос прилипли ко лбу и казались темными, почти черными. Тим — который «рыжий-рыжий-конопатый!» — и на себя не был похож в этот момент.

— Иди под зонт, ты простудишься!

— Какой зонт, он меня уже не спасет! Бежим. Дай чемодан...

— Тим, я сама.

— Дай чемодан, я сказал! — Он почти вырвал из ее рук чемодан на колесиках и побежал, Кира — за ним, вытянув вперед руку с зонтиком. — Что ты забыла в этом салоне связи... Пять минут до отправления!

— Тим, да не беги так...

Они успели. Прыгнули в вагон, проводница заглянула в билеты, кивнула, и только потом вагон дернулся, поезд тронулся с места.

— Тим, с тебя вода льет.

— А что я могу сделать? — огрызнулся он через плечо, идя вдоль ряда купе по коридору. — Ты сама виновата, не хрена было не пойми где бегать.

— Я тебе сказала ждать меня на перроне... — плачущим голосом произнесла Кира и замолчала. С Тимом бесполезно спорить — он упрямец каких еще поискать.

Нашли свое купе, свободное — только они в нем.

— Тим, скорее переодейся!

— Да погоди ты, дай я этот чемодан уберу, он под ногами... Кира! Ты обалдела?! Мы же на два дня едем, а у тебя вещей килограмм пятнадцать...

— Это все нужное.

Они толкались в купе, мешая друг другу, потом жених вспомнил, что ему надо что-то узнать у проводницы, и убежал. Вернувшись, вышел в коридор, встал у открытого окна.

— Ты простудишься.

— Ой, вот не надо... Мне жарко, Кира, мне дышать нечем! — опять огрызнулся через плечо Тим.

Тиму всегда было жарко. Высокий, плотный, мощный, с тяжелой, широкой костью — не финансовый аналитик, а каменотес какой-то.

Кира упала на сиденье, уперлась виском в стену, закрыла глаза.

Минут через десять Тим сел рядом, взял за руку:

— Кирчú, ты обиделась? — Он называл иногда ее «Кирчу», с ударением на последней букве, ласково.

— Нет.

— Я же вижу. — Тим поцеловал ее руку, потом притянул девушку к себе, обнял. Он все время обнимал ее, тискал, трогал, щупал, тормошил. Не выпускал из рук, словно любимую игрушку. Это временами раздражало Киру — когда хотелось отстраниться, полежать или посидеть спокойно...

— Тим, переоденься, — вяло прошептала Кира. — От тебя псиной пахнет.

— От меня?! — поразился он и принялся себя обнюхивать.

— Тим! Тим, я устала...

— От меня правда псиной пахнет? — не унимался Тим. — Ты серьезно, или я тебе настолько противен?

А если бы я тебе такое сказал? Ты бы меня с г...ном съела, ты бы мне сто лет это припоминала!

Жених, при всей своей интеллигентности и двух высших образованиях, позволял себе иногда крепкие словечки.

— Ти-им...

Он выбежал из купе, потом Кира услышала его голос из коридора — обсуждал с кем-то из попутчиков дорожное сообщение в Москве.

Вернулся с уже высохшими волосами, забыв о ссоре, спросил как ни в чем не бывало:

— Чаю хочешь? Ты голодная?

— Чаю.

Замер, глядя на Киру «особенными» глазами, захлопнул за собой дверь купе и тоже «особенным» голосом произнес:

— А мы тут одни, между прочим. А ты, между прочим, моя законная невеста.

— Только не здесь, — яростным шепотом отозвалась Кира.

Лицо у Тима, вернее — Тимофея Обозова — тоже никоим образом не напоминало о его образовании, успешности, уме и прочих достоинствах. Это было лицо каменотеса. Грузчика. Ирландского рабочего, распивающего пиво в портовом пабе.

Рыжий. Веснушки. Черты лица грубые и смешные одновременно. Тим очень напоминал актера, сыгравшего в детстве друга Гарри Поттера, как его там... Ах, уже не вспомнить. Иногда, в определенном освещении, при определенных ракурсах, в определенном настроении, Тим казался очень интересным, красивым даже. Но это иногда.

Наверное, родня, когда увидит его, обалдеет. И кто-нибудь из тетушек прошепчет Кире на ухо: «Кир, а ты что, лучше себе не могла найти?»

Обозов. Ох. Нет, фамилию она менять отказалась, когда подавали заявление в ЗАГСе. Только Гартунг. Между прочим, такая фамилия была в замужестве у дочери Пушкина. Хорошая, звучная фамилия, корни немецкие. Hartung. Hart — «отважный, смелый, сильный». А то Обозова...

Нет-нет, с ее профессией нельзя фамилию менять.

— Ладно, пойду насчет чая узнаю. Постелить тебе?

— Нет, я сама.

После чая Тим завалился спать на верхнюю полку, и заснул он, как всегда, мгновенно. К этой его особенности Кира за много лет совместного проживания так и не смогла привыкнуть. Вот человек этот Тим — стоит ему только голову на подушку положить, как засыпает мгновенно, и днем может поспать — ляжет и отрубится. У Киры так не получалось. Ночами долго лежала, придавленная мыслями, сомнениями, звуками музыки, ощущениями... Тим уже двадцатый сон видел, а она, измученная, только в дрему начинала погружаться. А днем вообще спать не могла, сколько ни пробовала.

В поезде Кира и не надеялась даже уснуть. Просто лежала, закрыв глаза.

Вдруг страх и отчаяние накатили. Боже мой, что она делает, зачем?.. Нет, она не про замужество, нет. Поездка эта дурацкая! Зачем ехать в город детства, в котором не была давно, к родственникам этим... Ну да, у отца юбилей — пятьдесят лет. И скоро свадьба у Тима